

REVIEWS * ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ГАЛИНА ФЕДЮНЕВА (Сыктывкар)

НОВОЕ В КОМИ ЛИНГВИСТИКЕ. ОПЫТ СИСТЕМНОГО ОПИСАНИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ КОМИ ЯЗЫКА

Изучение внутренней структуры коми языка является одним из основных направлений современного коми языкознания. В процессе становления и развития коми грамматической традиции не раз менялись концепции и взгляды исследователей на сущность отдельных языковых явлений. В ходе исследований, проведенных не одним поколением грамматистов, накапливался языковой материал, совершенствовались методы его изучения и описания, разрабатывались основы современных теорий. В последние два десятилетия исследования в области коми грамматики носят особенно интенсивный и целенаправленный характер. С середины 80-х годов они ведутся в рамках коллективной академической темы отдела языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН при участии ученых Сыктывкарского государственного университета. Комплексная разработка вопросов коми грамматики позволила значительно расширить круг изучаемых явлений, охватить большой языковой материал в единстве его системных связей. Основным результатом этих исследований стало издание новой научной грамматики коми языка (ÖKK), выполненной авторским коллективом в составе: В. М. Лудыкова («Прилагательное»), Г. А. Некрасова («Существительное», «Послелог»), Э. Попова («Союз», «Частица», «Междометие»), Г. В. Федюнева («Морфемика», «Слово как предмет морфологии», «Числительное», «Местоимение», «Наречие») и Е. А. Цыпанов («Глагол»). Целью данной статьи является краткое изложение узловых вопросов грамматики с тем, чтобы ознакомить читателя, не владеющего коми языком, с основными результатами исследований коми грамматистов.

Одним из основных принципов построения новой грамматики стала ориентация на разработку понятийной базы и упорядочения терминологии в соответствии с типологическими особенностями коми языка, что диктовалось настоятельной необходимостью освободиться от влияния концептуальных положений русской грамматики, часто не совпадающих с объективными особенностями коми языка. При описании конкретного материала отдельных частей речи были уточнены многие грамматические понятия, а термины, которые раньше использовались по аналогии с русской грамматикой, были заменены другими, по мнению авторов, более точно характеризующими строй коми языка. Например, понятие 'окончание', которому раньше соответствовал коми термин *кывйыв* букв. 'конец слова', исключено как не соответствующее грамматическому строю коми языка. Вместо него используется термин *кыв вежлалан суффикс* 'суффикс словоизменения'. Термин *кывйыв* используется только для понятия 'ауслаут'. Поскольку в коми языке отсутствует глагольная оппозиция по видовому признаку, понятие 'вид' исключено из грамматики. Вместо него используется термин *керӧм мунанног* 'способ про-

текания действия'. Инфинитные формы глагола в коми языке благодаря использованию лично-притяжательных суффиксов обычно бывают достаточно определенными, поэтому термин 'неопределенные формы глагола' заменен термином *кадакывлӧн морттӧм сикасьяс* 'неличные разряды глагола', подчеркивающим, что эти части речи не спрягаются по лицам и числам, однако являются изменяемыми частями речи. Не совсем подходящий термин 'серийный послелог' заменен термином *позъя кывбӧр* букв. 'послелог с гнездом', который более определенно подчеркивает живую генетическую связь группы послелогов с одним корнем (напр., послелог *выв-* 'верх' имеет гнездо форм *вылӧ* 'на(верх)', *вывсянь* 'с(верху)', *вылӧдз* 'до(верху)'). В ходе исследования были уточнены многие термины.

Другим важным исходным принципом стало стремление возможно более полно изложить языковые факты и явления в единстве их системных связей и отношений, т.е. представить морфологический уровень языка в виде целостной, относительно самостоятельной и динамично развивающейся системы. С этой целью предварительно были уточнены границы собственно морфологии и определено ее отношение к другим грамматическими дисциплинами. В отличие от предыдущих грамматик коми языка в ОЖК не рассматривается словообразование, за исключением случаев, когда словообразовательная структура слова является дифференцирующим признаком морфологического оформления. Как известно, словообразование — это относительно самостоятельный языковой уровень и соответственно самостоятельная лингвистическая дисциплина со своим предметом исследования, понятийным аппаратом и методами исследования. Вместе с тем, в грамматике значительное место уделено связям морфологии с синтаксисом, которые по определению имеют общий предмет исследования, общую терминологическую и понятийную базу. Многие типологические особенности коми морфологии, и прежде всего гибкая система частей речи, когда частеречная отнесенность конкретного слова во многом зависит от его места и роли в предложении, требуют обращения к синтаксису частей речи и, соответственно, лучше поддаются описанию в категориях синтаксиса. Морфемика как строительная база словоизменения и формообразования, представляющая собой промежуточный уровень между фонетикой и морфологией, все же рассматривается в рамках морфологии.

Морфемный уровень, изложенный в первом разделе грамматики, представлен в виде микросистемы, элементы которой анализируются на основе комплекса их сходств и различий. Показателем этой системности является понятие нулевой морфемы (суффикса) как значимого отсутствия грамматического показателя. Кроме того, системность морфемного уровня проявляется в противопоставлении морфем по их функциям (словоизменение, словообразование, формообразование), объему выражаемых грамматических значений (моносемантические / полисемантические), по формальной структуре и связности (устойчивые / неустойчивые, простые / сложные, свободные / связанные). Отличительной особенностью коми языка является преобладание моносемантических, простых, свободных и устойчивых морфем, которые используются в построении коми слова по «коллекционному» принципу. Коми слово имеет достаточно прозрачную, предсказуемую структуру, хорошо поддающуюся морфемному членению, и строится по достаточно устойчивым моделям. Количество морфонологических процессов на стыках морфем минимально. Типологической особенностью коми языка являются также развитая оморфемия и синонимия суффиксальных морфем. Все это говорит о ярко выраженном агглютинативном строе коми языка, хотя на уровне микротипов обнаруживаются признаки флективности (напр., кумулятивный принцип выражения грамматических значений некоторыми суффиксами: *керкасьым* 'из моего (своего) дома'), инкорпорации (наличие большого количества глаголов, корневая морфема которых непосредственно обозначает объект, инструмент, обстоятельство действия: *выль гачасьны* 'надеть новые штаны (букв. новые-штаны + глагольный суффикс)', *унапӧвставны* 'сложить в несколько раз (букв. много-раз + глагольный суффикс)') и

изоляции (*би йыв кайны* 'сгореть (букв. огонь-конец-подняться)', *кось выв воны* 'подрасться (букв. драка-на-прийти)', *горт овны* 'жить дома (букв. дом-жить)'. (См. об этом Федунева 1992).

Второй раздел «Учение о частях речи. Парадигматика», по объему значительно превышающий первый, посвящен системе словоизменения и формообразования коми языка. Раздел представлен в целом традиционно — как описание лексико-грамматических групп слов и парадигм их изменения. Однако содержание этой схемы модернизировано, уточнено и обогащено новыми категориями, значениями, трактовками. В отличие от предыдущих грамматик, разделяющих знаменательные части речи на имя, глагол и наречие как слова склоняемые, спрягаемые и неизменяемые, в новой грамматике выделяются основные (существительное, прилагательное, глагол и наречие) и смешанные (местоимение, числительное, инфинитив, деепричастие, причастие) части речи. Для коми языка выделение категории имен неактуально, поскольку «полновыраженной» системой склонения в коми языке обладают только существительные и субстантивные местоимения, прилагательные же и числительные не склоняются, а получают падежное словоизменение только при их синтаксической субстантивации. Основные части речи выделяются на основе трех основополагающих признаков: наличие собственного категориального значения (предметность, признак, действие, способ), наличие собственных грамматических категорий словоизменения и формообразования и самостоятельная (относительно устойчивая) функция в организации предложения. Смешанные части речи этими признаками в полном объеме не обладают: они выделяются на основе других критериев и так или иначе соотносятся с основными частями речи.

Каждая часть речи представлена прежде всего с точки зрения ее своеобразия. При этом, по сравнению с предыдущими грамматиками, больше внимания уделено выявлению полного спектра грамматических (в том числе текстуальных) значений, дополнению парадигм словоизменения формами, имеющими место в живом языке, но не представленными в грамматиках, и их интерпретации. Это позволило по-новому осветить уже известные факты, интерпретировать и ввести в научный оборот новые, до сих пор не отражавшиеся в грамматиках языковые явления. Многие подходы к изложению материала, трактовки и концепции в ОКК предложены впервые.

Так, у с у щ е с т в и т е л ь н о г о подробно разработаны функционально-стилистические возможности категории числа. Числовые формы коми существительного в семантическом плане весьма содержательны. Например, форма единственного числа может выражать: 1. единичность (счисляемую единичность: *пу* 'дерево', *пон* 'собака', единственность: *шонди* 'солнце', несчисляемую единичность: *ва* 'вода', *гаж* 'радость'); 2. собирательную множественность: *вотны тшак*, *вотӧс* 'собирать грибы, ягоды, букв. собирать гриб, ягоду'; 3. парную множественность: *ас синмӧн аддзывны* 'увидеть своими глазами, букв. своим глазом'; 4. дистрибутивную множественность: *Кельӧд бана аньяс хорас. Тшапа тувтӧ налӧн кок, Синмыс аддзӧ гӧгӧрбок, Факел босьтӧмаӧсь киас....* 'Светлолицые женщины в хоре. Кокетливо ступают их ноги (букв. ступает нога), Глаза видят (букв. глаз видит) все вокруг, факелы держат в руках (букв. факел взяли в руку)'. Форма множественного числа может выражать: 1. счисляемую множественность: *пуяс* 'деревья', *поньяс* 'собаки' и т.д.; 2. репрезентативную множественность: *мамӧяс ордӧ пыралӧ* '(я) заходил к матери и всем, кто с нею (букв. к матерям)'; 3. дифференцированную множественность: *вузалӧны пызь, чери, шыдӧсьяс* 'продают муку, рыбу, крупы', 4. собирательную дискретность во времени: *арся зэръяс бӧрын* 'после осенних дождей'; 5. собирательную дискретность в пространстве: *миян вӧрьяс помтӧмӧсь* 'наши леса бескрайни'; 6. неопределенную единичность: *бӧрья теплоходьясӧн мунӧс* 'уехал одним из последних теплоходов (букв. последними теплоходами)', *кӧнкӧ Питерьясын велдӧчӧ* 'где-то в Питере (или в подобных ему городах) учиться (букв. в Питерах)'; 7. эмоциональную единичность: *он кисьмы некор шондястӧг....* 'Никогда не созреешь без солнца (букв. без солнца)' и др.

Широкое функциональное использование в коми языке имеют и лично-притяжательные суффиксы, особенно 2-го и 3-го лица единственного числа. В их значении достаточно четко выделяются семы личной принадлежности и определенности, которые выступают на первый план в зависимости от лексического значения слова. Сема личной принадлежности проявляется при оформлении лично-притяжательным суффиксом лексики, связанной с человеком и его конкретно-практической деятельностью. При этом определенность как бы сама по себе подразумевается. В случаях присоединения лично-притяжательных суффиксов (в основном 2-го и 3-го лица) к лексике, связанной с природой, абстрактными понятиями, модальными значениями и т.д., на первый план выступают значения определенности и указательности. Эти же значения проявляются при присоединении лично-притяжательных суффиксов (обычно в падежных формах) к другим частям речи, например к деепричастию (*велӧдчигкостаныс* 'в то время, когда они учились'), наречию (*бӧртинас гӧгӧрвоис* 'потом-то понял') и др.

Падежное словоизменение в современном коми языке происходит по единому образцу как для основных, так и для лично-притяжательных форм, поэтому в отличие от предыдущих, в новой грамматике основное и лично-притяжательное склонение представлено одной парадигмой словоизменения. Однако внутри этой парадигмы сильны тенденции к развитию самостоятельного определенно-притяжательного склонения с формированием специальных суффиксов для выражения падежно-притяжательно-указательных значений. Особое внимание уделено проблеме количественной характеристики падежей. Известно, что в коми языке больше падежных форм, нежели описывается в грамматиках. Вместе с тем вопрос их интерпретации до сих пор не ставился на широкое обсуждение. В новой грамматике коми языка падежная парадигма представлена 24 формами. Кроме 16 традиционно выделяемых падежей, в парадигму (наряду с внутри- и внешнеместными падежами) включены т. н. приблизительно-местные падежи. Эта группа падежей (6 форм) возникла относительно поздно, однако в современном коми языке получила достаточно широкое распространение и самостоятельное грамматическое значение. Формы возникли на основе приблизительноного падежа (*-лань*) в сочетании с внутри- и внешнеместными падежными суффиксами: приблизительно-местный падеж (*керкаланьын* 'возле дома'), приблизительно-исходный (*керкаланьысь* 'от дома, со стороны дома'), приблизительно-вступительный (*керкаланьӧ* 'к дому, в сторону дома'), приблизительно-отдалительный (*керкаланьсянь* 'от дома, со стороны дома'), приблизительно-переходный (*керкаланьті, керкаланьӧд* 'мимо дома, около дома'), приблизительно-достигательный (*керкаланьӧдз* '(в направлении) до дома'). Кроме местных падежей, парадигма склонения дополнена формой сравнительного падежа на *-ся*. Этот падеж широко функционирует в коми-пермяцком языке и в ряде коми-зырянских диалектов. Однако последние исследования показали, что благодаря сильному влиянию диалектов он получил распространение и в литературном языке. Благодаря своей большей экспрессии формы вроде *ошся ён* 'сильнее медведя', *меся збой* 'бойчее меня' и т.д. стали вытеснять нейтральные формы элатива *ошкысь ён, меысь збой* и т.д. Переходный падеж на *-ӧд* и *-ті*, традиционно рассматривавшийся как один, представлен в виде двух падежных форм — переходный 1 и переходный 2, поскольку семантические объемы этих форм не совпадают полностью.

Падежи коми языка неравнозначны по семантическому объему и функциональной нагрузке. Наиболее развитую семантическую структуру имеют принадлежностные, объектные и внутриместные падежи, однозначными являются «молодые» приблизительно-местные падежи. В новой грамматике достаточно подробно описаны падежная семантика (многие падежные значения выделены впервые), дистрибуция падежных форм, их функционально-стилистические особенности, а также случаи использования двух падежных суффиксов в результате контекстуального эллиптирования и плеоназма, вроде *корӧсьлаысь локта* 'ходила

за венниками и возвращаюсь (букв. за-из венников иду)'. Вопросы словоизменения существительных в коми языке плодотворно разрабатываются в работах Г. А. Некрасовой (1989; 1995; 1997; 2000; 2002 и др.).

Коми прилагательное существенно отличается от русского тем, что является слабо изменяемой частью речи. В своей основной функции определения оно не изменяется по падежам и числам, не использует лично-притяжательные суффиксы. Морфологическое оформление коми прилагательного в значительной степени определяется синтаксическими условиями. Так, в позиции обособленного определения и в предикативной функции прилагательное может оформляться суффиксом множественного числа *-ӧсь* (*козьясыс гырысьӧсь, кузь тошкаӧсь* 'ели высокие, длиннородые'), винительного падежа *-ӧс* (*няньсӧ ваисны чорыдӧс* 'хлеб привезли черствый'), суффиксом инструментала *-ӧн* (*ягыс кажитчӧ кушӧн, тыртӧмӧн* 'бор кажется пустым'). В случае, когда предикативное определение присоединяется к прямому дополнению, при согласовании в числе употребляется суффикс существительных *-яс*, а не прилагательных *-ӧсь* (*дзоридзьяссӧ бӧрйӧма мичаясӧс* 'цветы подобрала красивые'). В новой грамматике случаи конкретного оформления прилагательного рассматриваются на большом фактическом материале. По сравнению с предыдущими грамматиками, в ОКК значительно большее внимание уделено разграничению лексико-грамматических групп относительных и качественных прилагательных. Известно, что по своим грамматическим признакам эти разряды в финно-угорских языках не всегда последовательно различаются, однако в коми языке они имеют целый ряд дифференцирующих признаков. Так, характерными особенностями коми качественных прилагательных, отличающими их от относительных, являются такие, как непроемкость либо дефектность словообразовательного членения, способность быть производящей основой абстрактных существительных (*зіль — зільлун* 'трудодлюбивый — трудодлюбие'), глаголов (*лӧз — лӧзӧдны* 'синий — синеть') и наречий (*лӧк — лӧка* 'плохой — плохо'), способность иметь антонимы (*лӧк — бур* 'плохой — хороший') и определения, выраженные наречиями (*ӧна мисьтӧм* 'сильно некрасивый'), существительными (*са сьӧд* 'черный, как сажа'), числительными (*сӧ муса* 'очень любимый (букв. сто любимый)'), причастиями (*виччысьтӧм югыд* 'неожиданно светлый'), прилагательными (*веж еджыд* 'очень белый (букв. светлый (зеленый) белый)') и т.д. Относительные прилагательные имеют противоположные характеристики: они образуются с помощью продуктивных суффиксов, не участвуют в словообразовании существительных и глаголов, не создают антонимических пар и т.д. В синтаксическом плане они в значительной степени зависят от контекста; многие относительные прилагательные, требуют определения качественным прилагательным (напр., нельзя сказать *синма ныв* 'девушка с глазами', надо обязательно добавить определение *лӧз синма ныв* 'синеглазая девушка', *сьӧд синма ныв* 'черноглазая девушка', *сюсь синма ныв* 'девушка с умными глазами' и т.д.). Лексико-грамматические группы прилагательных имеют различия также в синтаксической сочетаемости и формообразовании. Вместе с тем, среди относительных прилагательных выделяется группа слов, морфологические особенности которых в значительной степени сближаются с характеристиками качественных прилагательных. Например, многие относительные прилагательные могут иметь степени сравнения и качества, как и качественные (*чериа ю* 'река, обильная рыбой' — *чериаджык ю* 'река, более обильная рыбой' — *медся чериа ю* 'самая обильная рыбой река', *вотӧса вӧр* 'лес, обильный ягодой' — *вотӧсакодъ вӧр* 'ягодный вроде лес'). В основном это прилагательные, показывающие признак через отношение предмета к материалу, веществу, явлению природы и др. Они образованы с помощью суффиксов *-а*, *-ӧсь*, *-тӧм* (*туруна видз* 'луг с хорошим травостоем', *тшактӧм вӧр* 'лес без грибов', *дӧмасӧсь паськӧм* 'одежда с заплатами') и др. Среди коми прилагательных выделяется группа т. н. безлично-предикативных слов, которые формально полностью совпадают с прилагательными, отчасти с наречиями,

но значительно отличаются от них по семантике и функциям. В отличие от прилагательных, которые обозначают качества, свойства, признаки (*шоньд* 'теплый', *пемьд* 'темный', *шог* 'грустный' и т.д.), они выражают различного рода состояния (*меным шоньд*, *пемьд*, *шог* 'мне тепло, темно, грустно и т.д.'). Безлично-предикативные слова выделяются как функционально обособленный разряд прежде всего своим синтаксисом. Они не выступают в качестве определения при существительном или обстоятельстве при глаголе. Их основной функцией является исключительно функция сказуемого в односоставном безличном предложении, где субъект не может быть выражен формой именительного падежа. При них обязательно должны быть либо дополнение в дательном падеже (*тэньд гажа* 'тебе весело'), либо обстоятельство места (*ывлаын кӧдзыд* 'на улице холодно'). Сказуемое, выраженное безлично-предикативным словом, не оформляется суффиксом множественного числа *-ӧсь*, как обычное прилагательное, ср. *нывъяс гажайсь* 'девушки веселые', *нывъяслы гажа* 'девушкам весело'. Эти и другие особенности функционирования «слов состояния» позволяют обособить их от других прилагательных, однако для выделения в отдельную часть речи или даже в самостоятельный лексико-грамматический разряд нет достаточных оснований.

Собственно словоизменение (формообразование) коми прилагательного, в основном качественного, представлено только категорией степеней сравнения. Грамматическое значение степеней качества не имеет регулярных форм выражения, поэтому в коми языке нет оснований для выделения соответствующей категории. Значение степени качества может выражаться как списком нерегулярно используемых суффиксов (*сьокьдӧв* 'тяжеловат', *мичаник* 'красивенький', *вакодъ* 'влажный', *косиндзи* 'сухонький'), так и редупликацией с использованием падежных форм (*выльысь-выль* 'совсем новый (букв. из нового новый)'), специальными кванторами (*вир дыш* 'очень ленивый (букв. кровь ленивый)', *бура ыджыд* 'довольно большой (букв. хорошо большой)') и др. Морфологическое оформление коми прилагательного значительно обогащается в случаях позиционной синтаксической субстантивации за счет использования всех грамматических категорий существительного (*Кыкнан писъыс керкасӧ колис ыджыдыслы* 'Из двух сыновей дом оставил старшему'). Современная теория коми прилагательного разрабатывается в трудах В. М. Лудыковой (1999; 2001; 2001а; 2001в и др.).

Ч и с л и т е л ь н о е объединяет слова, являющиеся обозначениями чисел — единиц счетной системы. Это положение, принятое за основу в новой грамматике, позволяет более четко очертить границы числительного как части речи, исключив из его состава слова со значением количества, меры, степени и т.п. В связи с этим более определенным становится статус дробных числительных и числительных приблизительного счета как единиц синтаксического уровня (устойчивых словосочетаний), рассматриваемых в рамках данной части речи условно. Впервые в качестве самостоятельных грамматических категорий числительного выделены категории порядковости (*нӧль — нӧльӧд* 'четыре — четвертый') и совместности (*нӧль — нӧльнан* 'четыре — все четыре'). В целом же словоизменение коми числительного в значительной степени определяется не категориальным значением числительного (выражением абстрактного числа), а его синтаксической функцией — служить определением существительного по количественному признаку. Поэтому в грамматике большое внимание уделено описанию позиционной субстантивации числительных, которые получают при этом словоизменение существительных, однако в силу своего специфического значения используют их морфологические категории избирательно (об этом Федюнева 1990).

При описании системы м е с т о и м е н и й как заместителей основных частей речи вместо семантического принципа, имевшего место в предыдущих грамматиках, в качестве основания классификации принят функционально-категориальный критерий, позволивший выделить группы субстантивных, адъективных, квантитативных и адвербиальных местоимений и уже внутри этих групп дета-

лизировать грамматическую семантику местоимений и их морфологию. Местоимение рассматривается как внутренне организованная микросистема, отражающая основную систему частей речи и непосредственно связанная с семантикой и грамматикой существительных, прилагательных, числительных, наречий, а также с разрядом служебных слов. В связи с этим в разряд местоимений включены наречные местоимения типа *сэки* 'тогда', *сідзи* 'так', *татчө* 'сюда' и т.д., ранее рассматривавшиеся как «местоименные наречия» (Федюнева 2000). Особый упор сделан на выявление таких важнейших для местоимения черт, ранее оставшихся в тени, как архаичность, вариативность и нерегулярность форм словоизменения, избирательность в использовании грамматических категорий замещаемых частей речи. Морфология коми местоимения разрабатывается в работах Г. В. Федюновой (1990; 1991; 1992; 2000; 2000а и др.).

Морфология глагола представлена в значительно более полном и развернутом виде по сравнению с предыдущими грамматическими исследованиями. Уточнены литературные нормы в сторону обогащения грамматическими формами, например, в парадигму II прошедшего времени включены формы 1-го лица (*Ме пасьтасьöма, виччыся ёртöс* 'Я одет (II неочевидное прошедшее время), жду друга'), идентифицирован суффикс *-ны* как показатель 3-го лица множественного числа (*мунöмны* 'они ушли') и т.д. Категория времени, которая в предыдущих грамматиках описывалась крайне неполно, описана детально. С учетом т. н. аналитических форм выявлено девять времен: одно настоящее, два будущих и шесть прошедших, описаны их функции, значения, текстообразующая роль. В коми языке с точки зрения функциональных возможностей особенно богата система прошедших времен, в которой наряду с традиционно выделяемыми синтетическими I (*мунін* '(ты) шел, ушел') и II (*мунöмыд* '(ты) шел, ушел, оказывается') прошедшими временами активно функционируют аналитические времена: III прошедшее незавершенное (*вöлі мунан* '(ты)шел было'), IV завершенное, плюсквамперфект (*вöлі мунöмыд* '(ты) уже ушел, оказывается, букв. ушедший был'), V неочевидное незавершенное (*вöлём мунан* '(ты), оказывается, шел') и VI неочевидное завершенное (*вöлём мунöмыд* 'букв. (ты) уже был, оказывается, ушедший'). Категория залога в коми языке рассмотрена с учетом современных теорий, выявлена система залоговых оппозиций. Впервые полно описаны все значения каузатива и рефлексива, случаи двузалоговости, когда суффиксы каузатива и рефлексива редуцируются (*вурöдöдны* 'заказать, заставить кого-либо сшить', *кольччысьны* 'остаться, отставать' и т.п.). Уточнено понятие наклонения, подробно описаны его модальные значения, поставлен вопрос о связи наклонения с категорией времени. Впервые в коми грамматической традиции проведено разделение категорий аспекта и актионсарта (способа глагольного действия), доказано, что категория аспекта является логико-грамматической, не имеющей собственных регулярных средств выражения. В классификации собственно актионсартов выдвинута идея множественной (небинарной) оппозиции, выделены четыре актионсарта и несколько подклассов, охватывающих ограниченное количество глаголов. Впервые описана категория степеней глагольного действия, состоящая из трех форм: основной *тöдö* '(он, она) знает', усилительной *тöдöджык* '(он, она) более знает' и уменьшительной *тöдöкодь* '(он, она) вроде (кое-что) знает'. Инфинитив, причастия и деепричастия описаны с учетом их системности, как формы, находящиеся друг с другом в отношениях оппозиции и дополнительности. Впервые даны функционально-грамматические схемы коми причастий по оппозициям выражения временных и активно-пассивных значений (6 форм) и деепричастий по временным и структурно-семантическим признакам (свыше 20 форм). Впервые в коми языкознании идентифицирована форма герундия на *-мён*, сочетающая в себе функционально-семантические свойства причастия и деепричастия (*синва петмён жаль* 'жаль до слез (букв. до выхода слез)', *шус сёмын аслыс кывмён* 'сказал (тихо) только самому себе слышно', *морт тöрмён розь* 'дыра такой величины, что в нее войдет

человек (букв. человек влезет дыра)' и т.д.). Подробно описаны морфология этой грамматической формы и ее функциональная нагрузка. Новейшие исследования в области морфологии коми глагола представлены в трудах Е. А. Цыпанова (1995; 1995а; 1998; 1998; 2000; 2001 и др.).

Большее, нежели в прежних грамматиках, внимание уделено проблеме идентификации наречия как части речи. Будучи поздней категорией, развивающейся во многом путем адвербиализации отдельных форм других частей речи, наречие на морфологическом уровне не имеет четких категориальных границ. Оно существует как небольшое ядро, состоящее из древних, бесспорно наречных слов, и мощная периферия, состоящая из множества различных пограничных, «межчастеречных» случаев (послеложная конструкция / наречие, деепричастие / наречие, существительное / наречие и т.д.). Описано большое количество сложных случаев, не отмеченных в литературе, дана интерпретация их морфемной структуры, во многом сохраняющей не только структурное членение лексикализованных форм, но и их значения, например, *лунтыръясён* 'целыми днями', *вомгорулас* '(он, она) себе под нос (букв. под рот)', *бокъястыс* 'по (этим) бокам', *войбыднас* 'за целую ночь (определенную)' и т.д. Известно, что наречие особенно трудно поддается идентификации в области лексикализации падежных форм и адвербиализации деепричастий, поэтому особого внимания заслуживает выделение наиболее продуктивных в образовании наречий падежей и типов деепричастий. Таковыми в коми языке являются объектные падежи (творительный, достигательный, отделительный) и все местные падежи. Из деепричастий наиболее часто адвербиализуются формы на *-ёмён*: *тёдчымён ыджыдджык* 'заметно больший', *-төг*: *тёдлытөг артмис* 'случайно получилось (букв. не зная получилось)', *-төдз*: *пөттөдз сёрнитны* 'вдоволь наговориться (букв. досыта)', герундия на *-мён*: *тыдавамён вежсыны* 'заметно изменится' и др. (Федюнева 1995).

Раздел «О с л у ж е б н ы х ч а с т я х р е ч и» значительно обогащен новым материалом. Коми п о с л е л о г выделяется из разряда служебных частей речи тем, что имеет не только собственное лексическое значение, но и собственные морфологию и синтаксис. В послеложной конструкции выделяются два типа связи: примыкание и управление. Кроме конструкций послелога с формой именительного (иногда притяжательного) падежа в коми языке встречаются случаи управления другими падежами: дательным (*тэнлы вылө ньёби* 'тебе купил, (букв. на тебе купил)'), соединительным (*другыскөд паныд* 'против друга (букв. с другом против)'), винительный (*мешёксё кындзи нинём эз босьт* 'кроме мешка (букв. мешок) ничего не взял') и даже местными падежами (*Сыктывкарын серти тані ёна ыркыдджык* 'по сравнению с Сыктывкараром (букв. в Сыктывকারе) здесь значительно прохладнее'). Структура коми послелогов весьма разнообразна, поскольку остатки именного словоизменения в них все еще осязаемы и грамматические значения суффиксов хорошо прослеживаются. В составе послелогов встречаются а) падежные суффиксы внутриместных падежей, реже — внешнеместных; кроме того, некоторые послелоговые формы творительного (*серам сорён* 'со смехом'), сравнительного (*мам бёрся* 'за матерью') и других падежей; б) усилительно-указательные суффиксы *-сё*, *-тё* (*тиян ордёсё* 'к вам-то', *ва паныдтё* 'против течения-то'); в) лично-притяжательные суффиксы (*керка дорас* 'у (его, того) дома', *вөр вывтёис* 'по-над лесом-то', *мышку саяным* 'за нашими спинами'), часто встречаются формы с остатками лично-притяжательного падежного словоизменения (*керка дінсьыс* 'от дома (его, того)'); г) суффикс множественного числа *-яс* (*керка сайясті* 'по-за домом (во многих местах)'); д) суффикс множественного числа *-ёсь* (*найё видз вылынёсь* 'они на лугу'); е) суффикс сравнительной степени *-джык* (*өдзёс дорёджык* 'поближе к двери'); ж) уменьшительно-ласкательные суффиксы (*та мынданик* 'вот столечко'). Бесконечно разнообразна семантика послелогов. В новой грамматике она описана достаточно подробно и систематизированно. Выделены все возможные значения послелогов, подробно описаны основные группы:

местные (внешнеместные, крайнеместные, прямоместные, внутриместные, нижнеместные, верхнеместные, переднеместные, заднеместные, объемноместные, среднеместные, принадлежностноместные), временные (собственно временные и относительно временные), заместительные, выделительные, счетные, сравнительные, обобщительные, причинные, целевые, обстоятельственные и т. д.

При описании других служебных частей речи особое внимание уделено всесторонней, детальной классификации, выявлению их функционально-семантической нагрузки и стилистических особенностей использования. Подробно исследован синтаксис союзов, частиц и междометий, их роль в организации смысла предложения. Этим вопросам посвящены работы Э. Н. Поповой (2000 и др.).

Монография «*Онія коми кыв. Морфология*» является научной грамматикой коми языка, поскольку опирается на многолетние научные исследования и концепции авторов, стремившихся к более полному и адекватному отражению типологического своеобразия коми языка. Это позволило им взглянуть на многие известные вещи с несколько иных позиций, подчеркнуть, например, синтаксическую природу словоизменения, во многих случаях предложить функциональный подход: от грамматического значения и функции — к многообразию форм выражения.

В грамматике предлагается не такая жесткая система частей речи, как в школьном учебнике. Много внимания уделено синтаксической транспозиции частей речи, поскольку в речи словоформы часто выступают, казалось бы, в несвойственных им функциях. Синтаксическая транспозиция имеет для коми языка большое, если не сказать решающее, значение, что подтверждается широким распространением грамматической омонимии. Часто разные части речи используют одинаковые грамматические показатели для выражения сходных значений. Обычно это ситуативное использование, которое зависит от говорящего, его желания выделить мысль, показать отношение к ней и т. д. Например, лично-притяжательные суффиксы *-ыд*, *-ыс*, суффиксы множественного числа *-яс*, *-ёсь*, степеней сравнения и качества *-кодъ*, *-джык*, показатели аккузатива *-тõ*, *-сõ* имеют в коми языке широкое распространение для выражения множества разных значений и их оттенков (ср. *-тõ*, *-сõ*: *воктõ* 'твоего брата', *тадзтõ* 'так-то', *сьылігтырйитõ* 'распевая', *ва паныдтõ* 'против течения-то', *сёртõ* 'поздно-то', *муннытõ* 'идти-то(ты)'; *-джык*: *выльджык* 'новее', *Ваняльджык инмõ* 'это больше Вани касается', *тõдчõдджык* 'больше видно', *меланьõдджык* 'поближе ко мне', *кызаджык* 'потолще' и т. д.). Эти формы различаются функциональной нагрузкой и регулярностью. В одних случаях они образуют регулярные категории, как скажем, категория степеней качества прилагательных (*гõрд* 'красный' — *гõрджык* 'краснее') и степеней глагольного значения (*тõдõ* 'знает' — *тõдõдджык* 'более знает'), в других — ситуативные, связанные с определенной лексикой, как скажем, с существительными (*пыыд* — *пиджык*, *кодыр велõдчõм* 'сын — более сын, когда он образован'; *пыжланьõ вештыны* 'придвинуть к лодке' — *пыжланьõдджык вештыны* 'придвинуть ближе (букв. более) к лодке'). Показатель множественного числа *-яс* в коми языке имеет очень широкое функциональное распространение, присоединяясь практически ко всем частям речи, в том числе к глаголам (*пуктысигьясõ челядь пыр отсасисны гырысьяслы* 'во время посадочных работ (букв. сажаний) дети всегда помогали старшим', *эг пуксьыв шойччыныастõ* 'не садился отдыхать-то (во мн.ч.)'), наречиям (*таво матіясас эз вõв вотосыс* 'в этом году поблизости (букв. по близостям) не было ягоды', *ылõясõ ветлõма* 'далеко (букв. в дали) ходил'), послелогам (*керка вывьясті лэбис* 'пролетел над домами, букв. над (во мн.ч.) домом') и др. Эти случаи довольно подробно рассмотрены в разделах, посвященных анализу грамматических категорий соответствующих частей речи.

В коми языкознании недостаточно внимания уделялось такой проблеме, как грамматическая вариативность. Между тем варьирование форм в языке представлено широко и практически не нормировано. Собранный материал показывает, что живой язык более разнообразен со стороны грамматических форм, нежели

зафиксировано в грамматиках. В новой грамматике гораздо больше вариативных форм, что, по мнению авторов, обогащает грамматическую семантику, способствует функциональному развитию коми языка. В научной грамматике даются вариативные формы, распространенные в художественной литературе (*мундмны / мундмабсь* 'они ушли'; *метог / менамтог* 'без меня'; *тэныд / тэн / тэд / тэнлы* 'тебе'; *кодьяскö / кодкъяс* 'кто-то (мн.ч.)'; *мианлысь / миансьыным* 'у нас', *найö / наяс / найбяс / найоян* 'они' и т.д.).

Большое внимание в грамматике уделено грамматической семантике. Предыдущие грамматики были, как правило, ориентированы на констатацию грамматических форм и их основных значений. Но это не давало полной картины функционирования словоформ. Большинство грамматических категорий коми языка полисемантичны. Например, в коми языке богато представлены падежная семантика, семантика времен, инфинитных глагольных форм и т.д. Кроме основных значений, описанных в грамматиках, они имеют много дополнительных, порой кардинально различающихся, значений и контекстуальных нюансов.

В процессе работы решалась также задача н о р м а л и з а ц и и я з ы к а н а у ч н о й г р а м м а т и к и, выработки основ научного стиля. Коми язык недостаточно нормирован с точки зрения стилистической дифференциации, между тем, известно, что научный стиль любого языка отличается высокой обработанностью, наличием известных штампов, дефиниций, достаточно сложных оборотов, терминологической насыщенностью и т.д. Новая грамматика написана на коми языке с использованием специальной лексики, которая была предварительно систематизирована и терминологизирована. Формирование понятийно-терминологической базы грамматики шло следующими путями: а) использование уже имевшихся, широко распространенных в коми лингвистике терминов (*кыввуж* 'корень слова', *эмакыв* 'существительное', *керан* 'винительный падеж' и т.д.); б) введение в активный оборот терминов, предложенных в словарях и грамматиках конца XIX — начале XX в. (*кадакыв* 'глагол', *урчитан* 'наречие', *кывйтöд* 'союз', *нимвежтас* 'местоимение' и др.); в) терминологизация неспециальной лексики (*ичöтмöдан-лелькуйтан* 'уменьшительно-ласкательный', *коляс* 'реликт', *отсаян* 'вспомогательный', *шы сетан* 'звукоподражательный', *ыдждöдан* 'усилительный', *тшупöд* 'степень' и т.д.); г) создание новых терминов (*кывберд* 'прилагательное', *шöркыв* 'причастие', *ногакыв* 'деепричастие', *кывпод* 'инфинитив', *вöчöдан сёрнивизь* 'понуздательный залог' и др.). Предложенная грамматическая терминология представлена в виде терминологического словаря, который по существу является первым коми лингвистическим терминологическим словарем.

ЛИТЕРАТУРА

- Лудыкова В. М., Некрасова Г. А., Попова Э. Н., Федюнева Г. В., Цыпанов Е. А. 2000, *Оñия коми кыв. Морфология*, Сыктывкар (= ÖКК 2000).
- Лудыкова В. М. 1999, *Коми кывбердлön грамматика да вежöртас* (Грамматика и семантика коми прилагательного), Сыктывкар.
- — 2001, Роль прилагательного в формировании смысла высказывания (на материале коми языка), Сыктывкар (Научные доклады Сыктывкарского государственного университета, серия № 123-2001).
- — 2001а, Синтаксические способы выражения степеней качества прилагательного в диалектах коми языка. — Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками, Сыктывкар (Пермистика 8), 159—171.
- — 2001в, Предикативное употребление прилагательных, заимствованных из русского языка, в коми языке. — Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками, Сыктывкар (Пермистика 8), 171—179.
- Некрасова Г. А. 1989, Функциональная модель местных падежей коми языка, Сыктывкар (Научные доклады Коми научного центра УрО РАН, вып 210).

- — 1995, Функциональное развитие присубстантивного генитива в финно-пермских языках Сыктывкар (Научные доклады Коми научного центра УрО РАН, вып. 363).
- — 1995, Семантическая структура аппроксиматива в пермских языках. — Грамматика и лексикология коми языка, Сыктывкар (Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, вып. 58), 36—48.
- — 1995а, Функционально-семантические особенности средств выражения посесивности в современном коми языке. — Грамматика и лексикология коми языка, Сыктывкар (Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, вып. 58).
- — 1997, Инструменталь (творительный падеж) в пермских языках, Сыктывкар (Научные доклады Коми научного центра УрО РАН, вып. 388).
- — 2000, Коми кывйын кык вежлӧг формалӧн паньдасьлӧм (Сочетание двух падежных форм в коми языке). — Коми слово в грамматике и словаре, Сыктывкар, 30—42.
- — 2001, К вопросу о статусе вариативных форм эгрессива и инструментала в диалектах коми-зырянского языка. — Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками, Сыктывкар (Пермистика 8), 197—203.
- — 2002, Л-овые падежи в пермских языках, Сыктывкар (в печати).
- П о п о в а Э. Н. 2000, Значение и функции союза *и* в коми языке. — Коми слово в грамматике и словаре, Сыктывкар (Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, вып. 62), 58—66.
- Ф е д ю н е в а Г. В. 1990, Местоимения и числительные (опыт новой интерпретации в свете создания научной грамматики коми языка), Сыктывкар (Научные доклады Коми научного центра УрО РАН, вып. 24).
- — 1992, Морфемный состав и морфологический тип коми языка, Сыктывкар (Научные доклады Коми научного центра УрО РАН, вып. 294).
- — 1995, Структурные типы коми наречий. — Грамматика и лексикология коми языка, Сыктывкар (Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, вып. 58), 99—122.
- — 2000а, Коми местоимение: к проблеме формального варьирования в языке, Сыктывкар.
- — 2000в, О статусе так называемых «местоименных наречий» в коми языке. — Коми слово в грамматике и словаре, Сыктывкар (Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, вып. 62), 73—83.
- Ц ы п а н о в Е. А. 1995, Отрицательный инфинитив в коми языке. — Грамматика и лексикология коми языка, Сыктывкар (Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, вып. 58), 132—141.
- — 1995а, Инфинитные глагольные формы пермских и марийского языков в сопоставлении. — Грамматика и лексикология коми языка, Сыктывкар (Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, вып. 58), 122—132.
- — 1997, Причастие в коми языке: история, семантика, дистрибуция, Екатеринбург.
- — 1998, Категория способа глагольного действия в коми языке, Сыктывкар (Научные доклады Коми научного центра УрО РАН, вып. 398).
- — 2001, Категории лица-числа и залога в коми языке, Сыктывкар (в печати).
- Ц ы п а н о в Е. А., Л е й н о н е н М. 2000, Эвиденциальная сема II прошедшего времени в коми языке. — Коми слово в грамматике и словаре Сыктывкар (Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, вып. 62), 83—100.